

ВНИМАНИЕ: КОНКУРС!

В своем первом номере мы, как помнит читатель, объявляли конкурс на имя издания, которое вы держите сейчас в руках. Что ж, на него поступило двадцать пять предложений (честно говоря, мы ожидали большего). И приняли участие в нем, объявленном, кстати, еще до выхода газеты, в информации «Омской правды», не только наши преподаватели и студенты. Первым откликнулся врач-пенсиянер из Исилюкля А. Дрыга, предложивший название «Маяк перестройки».

Все, наверное, помнят и маленькую заметку В. Люши, секретаря Советского РК КПСС, с именем «Демократический голос». Во втором номере первокурсник химфака Е. Перелевский выступил за имя «Омский университет». Ну, а далее в порядке поступления — «Окно», «Университет», «Курьер ОмГУ», «День за днем» (все предложе-

«Крестины» продолжаются

ния доцента кафедры литературы К. Степановой), «Свободный путь» (пятикурсник филфака Е. Гиряев), «Академия» (латинским шрифтом, но по техническим причинам пишем по-русски) — имя предложено А. Новиковым (кафедра политэкономии), «Вдохновение» (Ю. Греков, начальник НИС), «Степень времени» (лаборант кафедры матанализа Г. Лиля).

Это заявки письменные. Среди устных — предложение вахтера корпуса № 1 И. П. Вербина «За учебу». И еще — «Свободное слово», «Логос», «В полный рост», «Свобода», «Говори», «Светоч науки», «Гаудеамус» — предложения коллег-журналистов. А

прямо на заседании конкурсной комиссии, в которую входили секретарь партийной организации В. Николаев, председатели профкомов сотрудников и студентов В. Шестакова и С. Мельник, народный депутат РСФСР С. Бабури и другие представители преподавателей и студентов, поступили следующие названия «Альма матер», «Вестник университета», «Вехи», «Переход», «Ламбада» и даже «Прораб переходного периода».

Итак, все заявки поставлены на голосование в три тура. На второй проходят те, за которые подан хотя бы один голос. Это — «Вдохновение», «Курьер ОмГУ», «Маяк перестройки», «Альма

матер», «Переход», «Ламбада», «Омский университет», «Вестник университета», «Прораб переходного периода», «Гаудеамус», «Говори». На третий по большинству голосов остаются «Омский университет», «Гаудеамус», «Говори». Наконец, абсолютными победителями становятся два — «Гаудеамус» и «Омский университет». Сам конкурс решено продлить до конца 1990 года.

Стоит привести несколько слов в защиту каждого из названий-лидеров. Собственно, «Омский университет» вполне аргументированно отстаивал Е. Перелевский: другого такого названия не может быть на всей территории страны по вполне понятным причинам. Однако «Гаудеамус», хотя и имеет аналог среди студенческих газет государства (а, в общем, разве это так уж плохо — иметь «тезку», с которым можно завязать дружеские связи?), хорошо и потому, что несет в себе именно «дух универ-

ситетский», освященный звоном латыни. Представьте себе это имя в графике, да еще в «латинском» зеркальном варианте. Впрочем, конкурс, повторим, не окончен. Премия в 50 рублей ждет «хозяина». А окончательное решение примет совет университета, органом которого и является газета.

И здесь же, коль начат разговор о делах газетных, хотим кое-что разъяснить нашим читателям по регулярности выхода. Друзей и читателей у нас уже немало, и их, естественно, волнуют задержки. Но, увы, то же самое происходит со всеми «многотиражками» города: полиграфическая база перегружена и не справляется в срок с объемом продукции. Больше же всего пока страдает «последняя» рожденная — наша газета. Так что будем набираться терпения. Или есть предложения по выходу из положения?

Н. КОЗОРЕЗ.

ОМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ОРГАН СОВЕТА ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 5 ♦ 18 мая 1990 года. ♦ Цена 2 коп.

ДЕЛА КОМСОМОЛЬСКИЕ Владимир Курбатов:

Самоуправление в действии

ным его принципом будет являться создание в студенческой среде реальных условий для полной реализации творческого потенциала студентов. При этом все смогут заниматься своим любимым делом, и, совершенствуясь сами, будут приносить пользу общему делу развития ОмГУ. Необходимо только внедрить новые организационные формы, стимулирующие активность студентов. Ясно, что комсомол нам их предоставить не сможет, ибо все его позитивные стороны в данный момент заключаются лишь в хозрасчетных предприятиях и традиционных устойчивых связях между некоторыми комитетами комсомола.

Поэтому я в своей программе провозгласил создание в ОмГУ самоуправляемой студенческой организации, не зависимой от многих государственно-политических структур. Главная задача этой организации — поднять активность студентов. Но не путем постановки перед ними грандиозных целей. Весь смысл и новизна в том, что задачи перед собой будут ставить сами студенты, в зависимости от своих интересов. А наша организация должна очень умело направлять этот мощный поток энергии в нужное русло — на совершенствование каждого студента в отдельности и университета в целом.

Наша студенческая организация не является альтернативной комсомолу, носит характер движения, но тем не менее предусматривает создание студенческого финансового фонда. Координацию (именно координацию, а не управление) деятельностью будет осуществлять координационный совет студентов ОмГУ, который мы планируем сформировать осенью на студенческой конференции.

Видно, что в основу нашей организации были положены некоторые элементы своеобразной формы «студенческого братства», распространенной в западноевропейских и американских университетах.

Раскрывая внутриорганиза-

ционную структуру студенческой организации, следует отметить, что первоначальным ее звеном являются группы единомышленников: кружки по интересам, клубы, команды и т. д. В данном случае я исходил из того, что свое любимое дело студент будет выполнять намного лучше, чем поставленную сверху ненужную задачу. Кроме того, инициаторами создания таких объединений единомышленников являются не преподаватели, а сами студенты, которые выбирают себе цели и любимые темы, превращающиеся в постоянный предмет их изучения и споров. Все это, бесспорно, будет способствовать развитию академического духа в ОмГУ и позволит нам приблизиться к уровню научных центров страны.

Обрисовав общую картину организации и деятельности, настало время ответить на закономерный вопрос: в чем же преимущество существования самоуправляемой студенческой организации в ОмГУ. Главное в том, что она стимулирует активность студентов, помогает воплотить их самые неординарные замыслы в жизнь. Представляя ОмГУ, наша организация будет осуществлять обмен опытом с вузами других городов. При удачном сотрудничестве этот обмен вскоре станет постоянным во всех сферах студенческой жизни. Немаловажную роль сыграют для ОмГУ контакты со всеми молодыми депутатами города, внесенные различными предложениями, касающимися студенческих проблем, в Советы народных депутатов.

Используя комсомольские хозрасчетные предприятия, наша организация сможет создать студенческий финансовый фонд, что позволит решить многие задачи, связанные с материальной обеспеченностью студентов и их трудовой занятостью. Этот студенческий фонд будет использован на следующее: покупка дефицитной литературы, компьютеров и т. п. — для поддержки научных исследований студентов; поощрение наиболее талантливых, финансирование университетских олимпиад и конферен-

ций, оплата поездок в ведущие библиотеки страны, на всесоюзные конференции, фестивали, соревнования; приобретение для спортивных, театральных и других коллективов необходимого реквизита и оборудования и т. д. Одним словом, самим студентам решать, куда пойдут средства из студенческого фонда. В процессе самой деятельности пополнится перечень преимуществ нашей организации. Студенты предложат новые формы и возможные пути развития студенческой науки, спорта, театральной жизни, печати, факультета общественных профессий. При этом вся деятельность базируется на добровольной основе, свободе выбора, суверенитете личности при одном неперемennom условии — активности студентов в выполнении их собственных программ и целей.

Следует отметить, что некоторые студенты глубоко восприняли мою идею создания в ОмГУ самоуправляемой студенческой организации. Их собственными усилиями были организованы клуб программистов на физическом факультете и кружок журналистики на филологическом. В конце мая будет создано еще несколько научных коллективов единомышленников. И, конечно, я надеюсь, что особый размах деятельность нашей организации приобретет в новом учебном году.

В заключение я хочу сказать, что мы параллельно с развитием форм стимулирования в ОмГУ выступим инициаторами создания аналогичных студенческих организаций в других вузах города. Идея студенческого союза диктуется не мной лично, она вытекает из объективной ситуации, сложившейся в нашей стране, и той роли, которая предназначена студенчеству в процессе выхода из этой ситуации. Молодое движение в нашем городе сможет реорганизовать студенческую массу в корпорацию интеллектуалов и художников, квалифицированных специалистов, одним словом — мощную политическую силу вообще.

26 апреля в жизни университетского комсомола произошло очень важное событие — был избран новый секретарь комитета ВЛКСМ и значительно обновлен весь комсомольский актив. Секретарь комитета Владимир Курбатов предложил университету совершенно новую концепцию развития студенческого комсомола. Наиболее интересные моменты его программы мы публикуем в сегодняшнем номере.

В начале я хочу сказать несколько слов о своем предшественнике Славе Мудрых. Многие из нас помнят благородную цель Славы — защита прав и интересов студентов, — комитет комсомола, воплощавший под его руководством этот принцип в жизнь и сделавший многое, что еще не раз найдет положительную оценку в различных университетских кругах. Тогда наш комсомол по праву занял ведущее место в городе, а в перспективе претендовал и на большее. Но ничто не вечно в этом мире, и всплеск активности в работе комитета стал умень-

шаться. В это трудное для нас время студенты не смогли помочь комитету, и интересная жизнь университета стала постепенно замирать.

Поэтому я твердо уверен, что в таком большом комсомольском коллективе нельзя постоянно надеяться на 20—30 пусть даже очень талантливых студентов. Только в результате активности абсолютного большинства наш университет сможет достигнуть больших успехов в ближайшем будущем.

Исходя из вышесказанного, я решил изменить направление деятельности комсомола. Основ-

Гарри Абелев — крупный советский ученый, имеющий мировую известность. Он член-корреспондент АН СССР, заведующий лабораторией иммунохимии Всесоюзного онкологического научного центра, единственный в нашей стране лауреат премии Нью-Йоркского института по изучению рака... Кроме того, в научном мире у него стойкая репутация человека редкой порядочности, высокой нравственности. Этим во многом и продиктована тема нашей сегодняшней беседы.

ДОСТОИНСТВО

— Все мы живем в условиях многогранного дефицита — и не только жизненных благ. Нам хронически не хватает знаний, квалификации, нравственности, профессионализма, гуманности. Какой из дефицитов нашей духовной жизни самый острый, с вашей точки зрения, Гарри Израйлевич, и самый пагубный — как для повседневной жизни, так и для развития науки?

— Не сомневаюсь, что это — дефицит человеческого достоинства.

— Достоинство относится к тем понятиям, которые каждый понимает по-своему, причем диапазон различий огромен...

— Я мог бы дать два определения. Первое исходит из общественной ценности человека, общественная ценность человека — это то, чем он может быть полезен обществу — своими знаниями, умениями, талантом. Второе понимание достоинства исходит из абсолютной ценности каждого человека, вне зависимости от того, какое положение он занимает и какую непосредственную пользу приносит. Чувство собственного достоинства — это и есть ощущение человеком своей собственной ценности, ощущение себя как неповторимой личности.

— Но ведь наша неповторимость или, скажем иначе, индивидуальность — это и есть таланты, навыки, знания...

— Нет. У каждого человека, может быть, даже врожденно, существует особая область в его внутреннем мире, над которой властен только он один, которая неподотчетна и неотделима от человека и которая включает в себя все то, что необходимо человеку для выработки собственного мнения, отношения и решения. Это область его достоинства. Именно благодаря наличию этой области человек испытывает потребность в частной жизни, то есть в некоем мире, пусть небольшом, в котором он является полным хозяином — мире его привычек, интересов, привязанностей; в мире, который не поддежит обсуждению или отчету и куда закрыт вход без приглашения.

Потому-то так мучительно и противоестественно, когда твоя частная жизнь выставляется на всеобщее обозрение — в коммуналке, в казарме, в бараче...

— Вы полагаете, это мучительно и неестественно для всех? Многие, наверное, возражают вам, что это дело привычки. Ведь коммунальный стиль жизни стал у нас едва ли не нормой, а уж к неприкосновенным вопросам то только ни «прикасаются»! Более того, огромное количество людей считает невозможным «не вмешиваться» в чужую жизнь. Им стыдно считать, что их хата с краю; им кажется, что «хата» каждого советского человека должна быть, по совместительству, дозорной вышкой и трибуной, с которой можно поучать и наставлять...

— В этом суть хамства. Любое пересечение границ суверенной, неприкосновенной области в человеческой душе — это хамство. Оно может быть и на самом высоком уровне — государства, например, которое может потребовать отчета в мыслях и покаяния за инкомыслие, и на самом низком — каждодневном, бытовом. И то, и другое отвратительно.

— Но мы научились мириться

с этим, терпеть и отнюдь не всегда протестуем, восстаем против вторжения. Значит ли это, что существуют как бы несколько кругов достоинства: пересечение внешних — терпимо; более близких, более сокровенных — непереносимо?..

— Мне кажется, не несколько кругов достоинства, а множество степеней вторжения. Простая бестактность, например, несовместима с хамством сильных мира сего, когда они ломают людей, перекаивая их в соответствии со своими нуждами. Классическим примером подобной ломки внутреннего мира могут служить столь популярные в прошлом коллективные письма, цель которых заклеймить кого-либо за инкомыслие. Списки тех, кто должен подписать письмо, рождались, как правило, «наверху», и попасть в этот список всегда считалось большой бедой. Эти письма — типичный пример насильственной подмены собственного решения чужим. Пример того же рода — насильственный отказ от своей подписи под письмом обратного содержания с целью смягчить опалу властей.

Помню одно такое письмо 1968 года, под которым свои имена поставили многие ученые. Однако после выступления Брежнев, в котором он пообещал дать по рукам любителям писать письма, почти все свои подписи сняли, кроме очень немногих. Разумеется, это не прошло для них даром. Одно из них, профессора В. Родионова, исключили из партии, и вскоре, так и не отказавшись от своего поступка, он умер от инсульта. Второго тоже ломали, как могли. Надо сказать, он был очень мужественным, очень стойким человеком. Добровольцем ушел на фронт, прошел всю войну солдатом, но когда у него отняли дело всей его жизни — лабораторию, которую он сам создал, он пришел в глубокое отчаяние. Не будет преувеличением сказать, что все его окружение, все его друзья, коллеги уговаривали, умоляли его отказаться от своей подписи. «Никому, — говорил, — никому ровным счетом не будет от этого хуже...» Уговорили. Он признал свою политическую ошибку, в результате чего его восстановили в должности, вернули ему лабораторию и... обрекли на пожизненные мучения. До самого конца, я знаю, он не мог простить себе этого компромисса, винил себя сверх всякой меры и не мог уже жить спокойно, по-прежнему. Ибо, когда он пошел на этот компромисс, границы его достоинства были сломаны. Но человек не может жить со взломанными границами своего внутреннего мира, это противоестественно. И, как правило, вызывает протест, взрыв негодования, ответную, противоположную направленную реакцию. Так было, например, с физиологом И. Павловым, который не будучи очень религиозным человеком, во время гонений на религию демонстративно стал регулярно посещать церковь и креститься, проходя мимо любого из ленинградских храмов.

— Но ведь протест — отнюдь не единственно возможная реакция на вторжение? Кроме того, человек не всегда находит в себе силы для протеста...

— Да, бывает, что достоинство гибнет. Нет достоинства, на-

пример, в уголовном мире, где то, что они называют достоинством, пропорционально силе, где все отношения строятся на том, чтобы сломать достоинство более слабого. Цель достигнута, то есть достоинство окончательно сломлено в тот момент, когда душа перестает противиться этим действиям, когда становится все равно. Это и есть рабство.

— Рабство может быть временным? Можно, на время потеряв достоинство, впоследствии вернуть его?

— Этот процесс чаще всего необратим. С потерей достоинства меняется система ценностей. Уже собственное достоинство видится рабу в том, чтобы жить достоинством «патрона» и ломать достоинство других. Поэтому хам и холуй — очень близкие понятия. Человек, который способен на хамство, как бы высоко он ни вознесся, — холуй в душе. Его Бог — Сила.

— Несомненно, системы ценностей у человека, обладающего достоинством, и у человека, его лишенного, совершенно разные. Первый не в состоянии понять, как можно пойти на сделку с собственной совестью; второй столь же искренне не понимает тех «бессмысленных» с прагматической точки зрения жертв, на которые идут люди ради сохранения себя...

— ...Почему староверы, не задумываясь, шли на смерть? Ну какая, в сущности, разница — двумя или тремя пальцами креститься? Потому, что никому не позволялось лезть в душу к человеку и подправлять там что-то по своему усмотрению.

Почему в 1911 году 110 лучших профессоров ушли из Московского университета? История эта всем известна, но и по сей день многие не могут понять мотивов, которые побудили ученых оставить любимую и едва ли не самую престижную по тем временам работу. Причина их ухода известна — из-за студенческих беспорядков Московский университет был лишен автономии, дарованной ему Александром II; автономии, при которой ректор выбирался, а не назначался, и при которой вход на территорию университета был запрещен жандармам и полиции.

— Можно с уверенностью сказать, что лишение университета автономии не очень сильно отразилось бы на жизни и работе ведущих профессоров. Но это было вторжением во внутренний мир университета, насилем над ним, покушением на его достоинство, и они, считавшие университет своей жизнью, своей судьбой, не могли быть соучастниками этого надругательства.

Замечательный ректор Московского университета Иван Георгиевич Петровский в пятидесятых годах говорил, что университет и по сей день не оправился от потери этих профессоров... Вообще общество очень страдает от попыток подчинить себе внутренний мир людей.

— А разве сами люди, лишённые достоинства, не страдают от того, что достоинства у них нет?

— Может быть, и нет. Рабом ведь быть проще, и эта простота подкупает. Лишившись достоинства, то есть перейдя на рабскую систему, человек освобождается от бремени свободы, рис-

ка. И рабом проще, и с рабами проще.

Наше общество долгие годы базировалось на подчинении человеческого достоинства, на ликвидации той части человеческой души, над которой государство, общество не властно. Любая тоталитарная система ни за что не будет мириться ни с какой независимостью в сфере духовной жизни человека. Поэтому тоталитаризм несовместим с религией, если, конечно, это не религиозный тоталитаризм иранского образца. Казалось бы — откуда такое неприятие религии со стороны тоталитарных режимов? Она никому не мешает, призывает к правильным нормам поведения человека в обществе. Но религия создает и культивирует независимый внутренний мир. Этого тоталитаризм религии не прощает и терпеть этого не намерен. Он должен контролировать и подминать все: политику, идеологию, экономику и, в не меньшей степени, внутренний мир человека.

— Но наука, насколько я понимаю, может и не попасть в этот перечень?

— Нет, конфликт неизбежен, поскольку наука так же, как и религия, как искусство, — сфера духовной жизни. Конфликт неизбежен еще и потому, что наука делает творческий человек, который служит истине, а не власти. Наука не может быть идеологизирована, она несовместима с внутренней несвободой, с рабством.

— Каким же образом наша наука столько лет сосуществовала с государственной машиной? И ведь делались крупные открытия...

— Вопреки существующей системе, по крайней мере, в области биологических наук. Дело ведь не в том, что Лысенко понравился Сталину, и не в том, что учение его ложно. В условиях несвободы не может развиваться никакое, даже правильное, учение. Так называемую павловскую сессию, разгромившую отечественную физиологию, считают позорной страницей в истории науки, хотя она основывалась на одном из самых передовых направлений в физиологии. Науке нельзя ничего навязывать. Те пути, те решения, которые добыты в результате научного поиска, — они и верны, они и хороши. Пока павловское учение было одним из направлений, свободно разрабатываемых в науке, оно было верным и прогрессивным. Как только оно насильственно было сделано главным и «единственно верным», из двигателя науки оно превратилось в ее тормоз. Это результат идеологизации науки, насилия над ней.

Идеологизация ведет к вырождению науки еще и потому, что истинные ученые противятся насилью над наукой, защищают истину. За это их, разумеется, снимают, устраниают. Но ни один порядочный ученый не займет место своего коллеги, который был устранен таким бесчестным путем. Поэтому в свое время в науку хлынул поток безнравственных, беспринципных, не порядочных людей.

— То есть развитие науки обусловлено тем, что государственная система стопроцентно не срывает?

— Если говорить о физике, отстоявшей свою самостоятельность под «прикрытием» атомного оружия, то наука развивалась на недоглядях — не за всем успевали проследить. Взять, скажем, область науки очень не престижную, какой была, например, иммунология лет 25—30 назад. Никто на нее не обращал внимания, все «большие ученые» шли в физиологию, генетику, биохимию, а иммунологией зани-

мались как бы на задворках, как лопухи росли, и именно поэтому получилась у нас хорошая иммунология, с самостоятельными, оригинальными направлениями, сделавшая вклад в мировую науку.

В науке всегда есть люди, которые стараются вырваться из-под гнета монополизированной системы, может быть, уйти в другую область или же просто себя не афишировать. Именно такие люди, по-моему, и делают науку.

— Их мало?

— Конечно, их меньше, чем других. Но сейчас, когда у нас начали вводить грантовую систему, когда средства на исследования выделяются не только по спущенному «сверху» плану, а и по заявкам «снизу», появились возможности для индивидуализации науки. Сам исследователь или группа ученых выдвигают свой проект исследования, а независимые эксперты на конкурсной основе решают, дать им деньги или нет. Это качественно новая для нас система, когда сам исследователь получает деньги на свои исследования, минуя всю огромную бюрократическую машину, минуя директора института и даже заведующего лабораторией, что, конечно, создает хорошую основу для индивидуального творчества.

В науке очень важны два главных аспекта — право на творчество и неподотчетность интереса. Мотивация научной работы, то есть выбор путей и целей ее, должна быть неподотчетной, подотчетен может быть только результат. Начало исследования всегда базируется на интуиции, обосновать ее невозможно да и не нужно, это может лишь подорвать уверенность в успехе. Ученый должен иметь право на внутреннюю мотивацию так же, как и право на ошибку.

Самое важное — ученый на всех этапах своей карьеры должен иметь право на творчество. Одна из самых вредных «филозофий», очень, к сожалению, в научном мире распространенная, — что существует руководитель и исполнитель, голова и руки. Но я уверен, что право и обязанность любого ученого — заниматься собственной исследовательской работой. Право на творчество, то есть на реализацию себя, — самая высокая ценность в жизни. И здесь, пожалуй, совершенно особую роль должно играть общественное мнение, направленное на охрану достоинства начинающего исследователя. В этом и заключается роль советов молодых ученых, а отнюдь не в том, чтобы создавать искусственную «юношескую» науку.

Достоинство — это основа науки, оно должно присутствовать на всех этапах научной карьеры и должно фигурировать не как нечто эфемерное, а как вполне конкретная и даже, если хотите, материальная вещь.

— Вы все время говорите «должно». А как в действительности?

— В действительности как в жизни, так и в науке сталкиваются две системы — силовая, при которой достоинство пропорционально положению, и, так сказать, уважительная, при которой достоинство является абсолютным. Особенно эти две силы заметны сейчас, когда правовое государство идет на смену тоталитарному. И все научные реформы делаются либо для того, чтобы усилить силовую стиль в науке, либо для того, чтобы укрепить линию достоинства. От того, какие силы победят, зависит будущее науки, возможность или невозможность для нее развиваться полноценно и полнокровно.

Перепечатано из газеты «Поиск», № 16(51), 21—27 апреля 1990 г.

тематической олимпиады, в котором приняли участие сразу три омских школьника: Владимир Барановский (школа № 115, 11 класс), Дмитрий Ланин (школа № 64, 10 класс) и Вячеслав Мищенко (школа № 88, 9 класс), занявшие призовые места в предыдущем (Всесибирском) туре. К сожалению, Дима и Слава не смогли составить конкуренцию более сильным соперникам из

Прибалтики, Ленинграда, Москвы и не вошли в число призеров. Что касается Володи Барановского, то он получил Диплом 2-й степени, повторив свои результаты 1988 и 1989 годов. Отметим, что Володя — кандидат в сборную СССР (Международная олимпиада пройдет этим летом в Китае).

Немного ранее стали известны итоги Всесоюзной олимпиа-

ды по информатике (Харьков). Ученик 11-го класса школы № 20 Алексей Москаленко завоевал Диплом 2-й степени и вместе с ним право поступления без экзаменов в любой вуз страны. Он уже сделал свой выбор: матфак ОмГУ.

Похуже, проблема «утечки мозгов» уже не столь актуальна для матфака. Во многом это

произошло благодаря деятельности доцента СибАДИ В. И. Радзивиловского и профессора ОмГУ А. Н. Гришкова, чья работа по «отлову» и подготовке юных дарований хорошо известна факультету. Все названные в этой заметке школьники относятся к числу их учеников. Вероятно, к этому опыту стоит присмотреться нашим преподавателям с физфака, химфака, экономфака...

«НЕТ» — УТЕЧКЕ МОЗГОВ

В конце апреля в Ашхабаде состоялся Всесоюзный тур ма-

Мы уже рассказывали в нашей газете об одном довольно необычном мероприятии под названием «научно-публицистическая конференция, посвященная 80-летию сборника статей «ВЕХИ», где несколько молодых и не очень молодых людей пытались убедить тех, кто оказался в аудитории (а их было более 100 человек), в том, что всем сейчас срочно надо начинать изучать нашу отечественную, доморощенную философию, и что это чуть ли не самое важное сейчас дело, а один товарищ утверждал даже, что, как только мы пойдем книжечку «Вехи», так сразу все помирится и сама собой появится колбаса в магазине. Организаторы конференции сделали все, чтобы разговор получился общим и заинтересованным. Но, к сожалению, принять в нем участие смогли немногие. А некоторым из присутствующих было совсем уж неловко: они бы и рады были согласиться с докладчиками и даже иногда бурно выражали одобрение, но при этом их терзала мысль о том, что соглашаться они не имеют права, поскольку саму книжечку «Вехи» не читали. Ну и, конечно, были и такие, кто думал, что их просто надувают. Редакция решила вмешаться в эту конфликтную ситуацию и потребовала от организаторов конференции предъявить хоть небольшое количество правды, которой, как они уверяют, много в книжке «Вехи». К тому же это весьма актуально в наше время, когда мы уже почти никому и ничему не верим, а многие так уж совсем точно знают, что правды

Студенчество — квинтэссенция русской интеллигенции. Для русского интеллигента высшая похвала: старый студент. У огромного большинства русских образованных людей интеллигентная (или точнее «революционная») работа и ограничивается университетом, по выходе из которого они «опускаются», как любят говорить про себя в пьяном угаре со слезой во время пред-рассветных товарищеских покаянных бесед.

О русском студенчестве в прогрессивных кругах принято говорить только в восторженном тоне, и эта лесть приносила и приносит нам много вреда. Не отрицая того хорошего, что есть в студенчестве, надо однако решительно указать на его отрицательные стороны, которых в конечном итоге, пожалуй, больше, чем хороших. Прежде всего надо покончить с пользующейся правами неоспоримости легендой, будто русское студенчество целой головой выше заграничного. Это уже по одному тому не может быть правдой, что русское студенчество занимается, по крайней мере, в два раза меньше, чем заграничное (...) У нас на юридическом факультете студенты, записывающие профессорскую лекцию, насчитываются немногими единицами, на них смотрят с удивлением, товарищи трюнат над ними. Зайдите в парижскую Ecole de droit и вы увидите, что огромное большинство слушателей записывают, что говорит профессор, — да и как мастерски записывают! Я по сей день помню свое удивление, когда познакомился с записками одного «среднего» французского студента, который у нас сошел бы за «незавзятую»: ему не надо было перебивать своих записей, так умело схватывал он центральные мысли

профессора и облекал их в уме в литературную форму. А ведь без записывания слушания лекций имеет мало значения. (...) А как слушают наши студенты? Точно гимназисты, они читают на лекциях посторонние книги, газеты, переговариваются, и проч., и проч. Само посещение лекций происходит через пень-колоду, случайно, больше для регистрации. Откровенно говоря, русское посещение лекций не может быть признано за работу, и в огромном большинстве случаев студент в университете, за исключением практических занятий, вовсе не работает. Он «работает», причём лихорадочно, у себя дома перед экзаменами или репетициями, зубря до одурения краткие, приспособленные к программе учебники или разномыслия компендиумы... Французский студент не может окончить курса, не ознакомившись в подлиннике с классическими работами французских юристов и государствоведов, а у нас — я смело утверждаю это — 95% юристов кончают курс, не заглядывая в другую книгу, кроме казенного учебника, а то и компендиума. (...)

Русская молодежь мало и плохо учится, и всякий, кто ее искренно любит, обязан ей постоянно говорить это в лицо, а не петь ей дифирамбы, не объяснять возвышенными мотивами социально-политического характера того, что сплошь и рядом объясняется слабой культурой ума и воли, нравственным разгильдяйством и привычкой к фразерству. (...) Немецкий студент, «бурш» с его корпорациями, их глупыми обрядами, шапочками, дурачествами, кнайпами, мензурами-дуэлями и прочими атрибутами, ничего, кроме презрения, в русском передовом

А. ИЗГОЕВ.

О СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

ЗАМЕТКИ О ЕЕ БЫТЕ И НАСТРОЕНИЯХ.
«ВЕХИ». СБОРНИК СТАТЕЙ О РУССКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ. — М., — 1909, ФРАГМЕНТ.

нет. Нам принесли фрагмент из статьи одного из авторов «Вех», А. С. Изгоева, и сказали: «Вот, почитайте». Мы прочли и в свою очередь сказали: «Что ж, вся ваша правда в том, что русское студенчество плохое?» И еще мы сказали, что не видим ничего плохого в том, что наша интеллигенция тепло помнит годы студенчества, может быть, только воспоминаниями о песнях у костра и можно было выжить в стране, где звучала в основном маршевая музыка... Иронизировать над героями Визбора, Горюхина, Окунджавы — самое циничное кощунство. Ответ был такой: «А разве похожесть, с которой портрет нас сегодняшних нарисован 80 лет назад, не удивляет вас? И разве в этом уже нет чего-то настоящего, что можно назвать правдой? Конечно, нельзя смеяться над нами, когда мы в 40 лет считаем, что счастье только в том, чтобы собраться, попеть у костра со студенческими друзьями или с ними же сыграть в преферанс. Но можно задуматься над нашей жизнью, которая не очень помогает нам полностью реализовать себя в работе, — это и делает Изгоев. Правда, наши песни у костра были бы для него скорее знаком бед, чем поводом для радости, но ведь и у Окунджавы есть острое чувство беды и темной ночи вокруг. Так что, поверьте, Окунджава и Изгоев хорошо бы друг друга поняли».

Что ж, может быть... Итак, «Вехи» о русском студенчестве 80 лет назад...

студенте не возбуждает. Но должен сказать, что это глупое веселье молодых бычков все же не возбуждало во мне такого тяжелого чувства, как попойки русских передовых студентов, кончающиеся, большей частью, ночной визитацией публичных домов. Самое тягостное в этих попойках и есть эта невозможная смесь разврата и пьянства с красивыми словами о несчастном народе, о борьбе с произволом и т. д. Бурш пьянствует, глупо острит, безобразничает, но он не рядит своего пьяного веселья в яркие одежды мировой скорби. Перевертывая вывески и разбивая фонари, он и сознает, что буянит, а не думает, что протестует против современного строя. У нас же и в кабаках, и в местах похуже передовые студенты с особой любовью поют и «Дубинушку», и «Укажи мне такую обитель»...

Казалось бы, у русских студентов мало объективных оснований для столь распространенного взгляда на европейское студенчество, как на расу низшую. И по степени трудоспособности, и по объему выполняемой действительной научной работы, и по чистоте нравов заграничные студенты стоят во всяком случае не ниже наших. Но вот чего у них нет: нашего товарищеского духа и построенной на этом нашей своеобразной студенческой культуры. Доля истины в этом, конечно, есть. Если чем памятливы иной раз на всю жизнь наши университеты, то именно своим молодым товарищеским духом, интенсивной общественной жизнью, которая почти все время держит на высоком подъеме нервы студента и не дает ему погрузиться в омут личных своекорыстных интересов. В известной мере, повторяю, это — прав-

да. Но в то же время у нас стало как бы общепризнанным и никого не смущающим фактом, что горячий юноша-идеалист, полный возвышенных революционных порывов, не успев получить аттестат зрелости, как мгновенно превращается либо в чиновника-карьериста, либо в своекорыстного дельца. И это обстоятельство заставляет подумать, нет ли чего ложного в нашем студенческом идеализме, приводящем к таким печальным результатам, нет ли там иной раз вместо высшего духовного подъема просто опьянения гашением, временно возбуждающим, но расслабляющим на всю жизнь? (...)

Два последствия огромной важности проистекли из этого. Во-первых, средний массовый интеллигент в России большей частью не любит своего дела и не знает его. Он — плохой учитель, плохой инженер, плохой журналист, непрактичный техник и проч. и проч. Его профессия представляет для него нечто случайное, побочное, не заслуживающее уважения. Если он увлечется своей профессией, всецело отдастся ей — его ждут самые жестокие сарказмы со стороны товарищей, как настоящих революционеров, так и фразерствующих бездельников. Но приобрести серьезное влияние среди населения, получить в современной жизни большой удельный вес можно, только обладая солидными, действительными специальными знаниями. Без этих знаний, кормясь только популярными брошюрами, долго играть роль в жизни невозможно. Если вспомнить, какое жалкое образование получают наши интеллигенты в средних и высших школах, станет понятным и антикультурное влияние отсутствия любви к своей профессии, и

революционного верхоглядства, при помощи которого решались все вопросы. История доставила нам даже слишком громкое доказательство справедливости сказанного. Надо иметь, наконец, смелость сознаться, что в наших государственных думах огромное большинство депутатов, за исключением трех-четырех десятков кадетов и октябристов, не обнаружили знаний, с которыми можно было бы приступить к управлению и переустройству России.

Второе последствие не менее важно. Во времена кризисов, народных движений или даже просто общественного возбуждения крайние элементы у нас очень быстро овладевают всем, не встречая почти никакого отпора со стороны умеренных. Интеллигенция с какой-то лихорадочной быстротой устремляется за теми, кто не на словах, а на деле постоянно рискует своей жизнью. «Большая совесть» дает себя чувствовать — в мгновенном порыве человек зачеркивает всю свою старую, многолетнюю работу, которой он, очевидно, никогда не любил. В этой области происходят не только комедии, в роде известного превращения вице-губернатора, лет тридцать в разных чинах служившего «самодержавному правительству», в социал-демократа, но и серьезные, идейные и житейские трагедии. Когда на другой день после 17 октября в России не оказалось достаточно сильных и влиятельных в населении лиц, чтоб крепкой рукой сдержать революцию и немедленно приступить к реформам, для проницательных людей стало ясно, что дело свободы временно проиграно, и пройдет много лет упорной борьбы, пока начала этого манифеста воплотятся в жизнь...

Изгоев А. С. (род. в 1872 г.) в советских энциклопедиях не представлен. «Свой трудовой и революционный путь» начинал в Томске, вначале как «легальный марксист». С 1905 г. — в партии конституционной демократии. Один из лидеров партии, член ЦК. Сотрудничал в газете «Речь», журналах «Южные записки», «Вестник литературы». Был ведущим публицистом в журнале «Русская мысль». Вместе с Н. А. Бердяевым, С. Н. Булгаковым, С. Л. Франком, М. В. Родзянко, П. Б. Струве, В. В. Шульгиным участвовал в организации Лиги русской культуры в 1917 г. В 1922 г. выслан за границу.

Текст подготовил
В. А. МАРТЫНОВ,
преподаватель.

КАК НАЗВАТЬ ГАЗЕТУ?

В защиту банальности

Изыск в заглавиях и названиях — это естественная реакция на бывшие запреты индивидуального и творческого. Известен случай в начале 80-х, когда запрети называть хозяйственный магазин «Тысяча и одна мелочь». Ранжир клишированного остроумия, распространяющегося на все союзные магазины, не позволил добавить «одну мелочь». Вероятно, и пранный восточный аромат «Тысячи и одной ночи» представился разгулом эротического свободомыслия.

Теперь же, из крайности в крайность, от тысяч «голубых огоньков», «березок» — к ультраобыкновенности названий вольных и полувольных разнообразнейших корпораций. Уже просто назвать себя функцией самого предприятия нельзя, простому человеку надо расшифровывать, искать дополнительную информацию, звонить в неизвестно какие инстанции, чтобы узнать, что делают в этих самых

«Импульсах» и «Стимулах». Например, в Омске есть кооператив «Зодь». Это, вероятно, не аббревиатура, ибо на мягкий знак трудно придумать слово. Хотя если знать, что здесь делают могильные памятники, то можно натянуть или расслабить вожжи воображения и расписать слово «Зодь», предположим, так «Заклятие Образом Дьявола».

В марте объявили конкурсе на лучшее название пивного завода в Омске. Я думаю, что название «Русское» или «Сибирское пиво» было бы отвергнуто в силу своей функциональной простоты. А другой, более изысканный вариант «Русская Бавария» не прошел бы потому, что не всем известно о знаменитом баварском диве, с которым можно бы вступить в соревнование; неизвестно и то, что в 20-х годах в Ленинграде-Петрограде был пивной бар «Красная Бавария» и что у Заболотского есть даже стихотворение с этим названием.

К чему я все это? Да по по-

воду заглавия официальной газеты нашего университета.

«Университет» — название по месту и по функции. Для пробы это было бы спокойное название (как, например, журнал «Дом кино» и др. подобное).

Другое название с небольшой претензией, но с некоторой броскостью «Окно». В год Пастернака вспоминается его строчка: «открыть окно, что жили отворить» — это о напряженном драматическом проживании жизни, о невозможности блаженного герметизма, о неременной связи творчества и самой действительности.

Хотелось бы процитировать нашего литературоведа А. Жолковского, который говорит о теме окна в поэзии Пастернака.

«1. Окно: «контакт между «большим» и «малым» (вечным и временным, вселенной и человеком, внешним миром и комнатой, а также между другими типичными партнерами».

2) «состояние «высшей фазы» максимальной напряженности яркости существования».

К. СТЕПАНОВА,
доцент кафедры литературы.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ОмГУ НАУЧНЫМ ЦЕНТРОМ?

В статье доцента В. Сергеева «Упущенные возможности» («Омский университет», № 3), посвященной вопросу, каким быть ОмГУ, затрагивается и проблема научных конференций. Автор статьи считает, что «нормой» ОмГУ должны стать 4—6 областных, 2—3 региональные и республиканские конференции. Надо сказать, что и в прошедшие годы именно с научными конференциями у нас дело обстояло относительно благополучно. Ежегодно проводились и всесоюзные конференции. Некоторые приобрели характер систематических — например, Всесоюзные археологические чтения памяти М. П. Грязнова, Всесоюзные конференции по истории тюркских народов Сибири и сопредельных регионов и др.

В марте—апреле этого года уже проведены три областные студенческие научные конференции историков, экономистов и юристов, апрельская студенческая конференция ОмГУ, городская научная конференция, посвященная 80-летию выхода сборника статей «Вехи». До конца 1990 года готовится к проведению в ОмГУ 6 научных конференций всесоюзного уровня — «Физика газового разряда», «IV школа по алгебре и анализу», «Качество деятельности в механизме общественного прогресса», «Национальные и социально-культурные процессы в СССР», «Демократические реформы: опыт и научно-практические проблемы», «Политическая культура молодежи в условиях перестройки».

Таким образом, ОмГУ уже вышел на уровень, предлагаемый В. Сергеевым. Странно, что уважаемый Вадим Николаевич этого не замечает. Хочу сказать, что специально гнаться за количеством конференций нам, видимо, не нужно, их проводят по мере возникновения научной потребности. Тем более показательно, что ОмГУ в этом отношении делает качественный рывок. Потребности ученых отдельных научных направлений страны, России, сибирского региона, области собираться на научные форумы в нашем университете сегодня достаточно четко выражены.

Н. ТОМИЛОВ,
проректор по научной работе.

Долго светились окна кафе «Визит» 11 мая, где проводился традиционный вечер факультета общественных профессий. Поднималось настроение у присутствующих, когда коллективы художественной самодеятельности «отчитывались» о годовой работе. Новые песни клуба песенной поэзии и фольклорного ансамбля, а также их импровизированные смешанные исполнения популярных песен, шуточные миниатюры театра «Поиск» и видеofilm о поездке в г. Тару фотостудии сделали вечер праздничным. Были вручены удостоверения об окончании ФОПа и ценные подарки по результатам «Студенческой весны-90».

НА СНИМКЕ: выступает фольклорный ансамбль.
Фото А. ГАЛЮКШЕВА.

В нашем театре драмы перед его отъездом на гастроли в ПНР состоялась премьера спектакля «Московские кухни» по пьесе Ю. Кима. Студентке исторического факультета, слушательнице театрального отделения ФОР С. РОЖКОВОЙ удалось побывать на репетициях спектакля. Этой теме посвящен ее репортаж.

Я видела, как эти мелодии рождали образы. Как из «ми-ме-ма» на распевке рождалась тема. Раздольная, бунтарская, она, как и сама пьеса, в которой солирует Валерий Алексеев, объединяет в себе все отголоски в один насыщенный хор. Он, как водяной поток, несет вперед и влечет за собой.

ло 70-х годов. Прошлые десятилетия вспоминаются как страшный сон. И веселая песенка-диалог Сталина и Брежнева вызывает безудержный здоровый смех. Прерывают его сочный бас начальника и вопрос его помощника: «Будем брать?» (Начальник — С. Лысов, помощник — Ю. Ицков). Огромное удовольствие смотреть, как работает Ю. Ицков. Тут пританцует, там развернется по-другому, придумает новое движение и сразу в стороне повторит его, отточит. Но репетиция продолжается, и в зал летит вопрос: «Неужели проклятые годы повторятся опять и опять?» За ним следуют строки, прочитанные в дневнике Ильи, героя В. Алексеева, во время обыска:

«Январь 1968-го. Неужели это никогда не кончится?»

Июль 1972-го. Боюсь, что это не кончится никогда».

Покидает Родину герой Д. Лебедева Вадим. «Я их победить не сумею, но и терпеть не могу», — его прощальные слова.

После репетиции мы беседовали с Дмитрием Лебедевым о судьбах, описанных в пьесе, о том времени. «Известная фраза «мера всех вещей — человек» выражает основную мысль пьесы», — говорит актер. — Спектакль знакомит зрителя с недавним прошлым нашей страны, а нам, артистам, хочется поведать о гражданском мужестве наших современников, поклониться их светлой памяти, боль свою передать».

Но на это нужно иметь право. И Омскому драматическому такое право дают его прежние постановки.

Пьеса Кима легка и тяжела одновременно. Элементы фарса и комедии выводят из оцененных. Своего рода «выведение из транс», как выражаются психотерапевты. Работает принцип взлетов и падений, которые к концу спектакля становятся все речче.

На темной, далеко уходящей вглубь сцене — холодные белые стены. Мягко и нежно звучит среди этого холода скрипка. Письмо Ильи жене. Его мелодия, мелодия Моцарта, слова переполнены печалью и грустью. Вот она, боль. Показалось, что все, наступил критический момент, но вдруг гаснет свет и прожектор вылавливает уже знакомые фигуры. «Здрасьте, здрастьте, друзья дорогие...» — поют «перестроенные» чекисты.

Новая картина. Радостный шум. Старые друзья собрались на кухне. Вадим читает подписи на составленной и припрятанной когда-то бумаге: «Смотри-ка, и ты здесь, и ты, и... Габай Илюша. Отбыл срок, вернулся, через год покончил с собой. Делоне Вадик. Отбыл срок, затем вынужденная эмиграция, там и умер, 35 лет от роду. Очень тосковал...»

«Вечная память», — из ледяной тишины выводит хор поминательную мелодию. Чувствуешь, как бьется сердце. «Надо сделать фонограмму, а то распахнется, петь не смогу», — вдруг произносит Валерия Прокон.

Такую боль принять — благо.

НА СНИМКЕ: репетиция «Московских кухон».

Фото В. РУСАКОВА.

БОЛЬ СВОЮ ПЕРЕДАТЬ

Что для нас прошлое? Кроме отчетов, статей, статистических сводок, это наша память. Память придирчива, она отбирает только самое значительное. Сохраняет только самые яркие впечатления и самые глубокие раны. Тем и другим переполнена копилка памяти России. Ни одна другая страна не рождала столько талантов, но ни в одной другой стране их не уничтожали с такой жестокостью, как в нашей.

Россия, мать чудная!
Куда? Откуда? Как?
Томленья непробудное.
Рывки из мрака в мрак...
Труднее и извилистей
Найдутся ли пути?

Вопрос не требует ответа, но рифма просит продолжения. Оно есть в пьесе Ю. Кима «Московские кухни», оно есть в спектакле Омского театра драмы. Пьеса Ю. Кима необычна, она положена на музыку. Жанр этого произведения — бард-опера. Ее незатейливые мелодии проникают в самые глубины души.

Поют все жильцы московской коммуналки, поют артисты, занятые в спектакле. Н. Василиади, С. Волков, Э. Главатских, З. Задорожная, М. Окунев, В. Решетников, Т. Филоненко и многие другие. Среди них ветеран омской сцены — Н. Надеждина. У ее героини нет ни имени, ни фамилии. Вся ее жизнь проходит в очередях. Свою сольную партию свидетельницы на суде Н. Надеждина тоже поет. А сейчас она со всеми соседями на кухне; выставлены на стол граненые стаканчики.

«Ох, кто бы дал мне карандаш, написал бы я слова», — поет М. Василиади, наполняя стаканы, — про норильские металлы и карельские дрова». Его герой из тех, кто ощутил на себе всю тяжесть прежнего режима. «Это лучше спать, сидя на полу», «В руках хлеб, нет, в руках авоська с хлебом», «А здесь присядь рядом», — это реплики режиссера, ведь мы на репетиции.

На сцене конец 60-х — нача-

ТАЛАНТЫ — СЕГОДНЯШНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ — ЗАВТРАШНИЕ

В апреле в ОмГУ прошла конференция НПОУ «Поиск».

Как вы думаете, может ли коза заниматься вышиванием? Нет? А я убедилась в том, что может. Да к тому же не простым вышиванием, а математическим. О том, что это такое, рассказали в своем докладе на 22-й конференции научно-профорнентационного общества учащихся «Поиск» Галина Ятчук и Мария Романовская — одиннадцатиклассницы 88-й средней школы г. Омска. Доклад назывался «Теория голодной козы». Цель выступления девочек — показать на конкретном примере, как простая житейская ситуация может дать толчок множеству математических задач и гипотез. Вообще же в тот день интереснейших докладов было прочитано немало. Учтем, что на конференции работало 10 секций, и в них участвовало более ста ребят — от пятиклашек до выпускников.

Что касается математического вышивания, то это не такая уж фантастика. Когда-то такой предмет преподавался в школах Голландии на уроках математики. Не последовать ли нам этому примеру? По-моему, уроки геометрии станут намного увлекательней.

Я и не подозревала, что «сухая» математика может быть настолько интересной. Одни названия докладов чего стоят: «Логические софизмы и парадоксы» (А. Вибе, ж.-д. шк. № 13, 9 кл., н. рук. Л. И. Окуличева, учитель); «О невозможных геометрических построениях» (В. Берелев, ж.-д. шк. № 13, 10 кл., н. рук. О. В. Гателок, преп. Ом. ИИТа); «Случайные события и их вероятность» (С. Каторженко, шк. 110, 10 кл., н. рук. Бреге, учитель); «Прыжок в XXI век» (Л. Тимаева, шк. № 58, 10 кл., н. рук. Т. Ю. Полякова, учитель)...

В нескольких секциях встретились доклады с одинаковым названием: «Числа (или ряд) Фибоначчи», «Лист Мебиуса и его свойства», «Графы» или «Теория графов». Интересным в этом случае было то, что докладчики читали ребята разного возрастного уровня — пяти-, восьми-, десятиклассники. Но уровень подготовки младших ребят, пожалуй, не уступал уровню старших. И те, и другие сумели вызвать интерес и внимание.

Но самым интересным, на мой взгляд, было то, что происходило на секции педагогики, психологии и социологии образования. К сожалению, в эту аудиторию я попала, когда конференция была уже в разгаре. А когда я вошла туда, перед ребятами заканчивали свое выступление... кришнаиты. Оказалось,

гостей пригласила Ольга Федорова Шакирзянова, бывший сотрудник ОмГУ, ныне — работник городского Дворца пионеров. Рассказ гостей вызвал живой интерес и обсуждение, тем более, что в программе работы секции значился такой доклад, как «Медитация» (А. Лиситина, н. р. О. Ф. Шакирзянова). А гости попытались на практике показать, что представляет из себя эта самая медитация.

И вот, наконец, мы слушаем доклады ребят. Сначала выступили самые юные докладчики Юра Бурнашев и Саша Касьянов. Ребята выбрали очень перспективный путь, их методики направлены на выявление людей, которые с помощью своей интуиции, своих природных данных могут соревноваться с ЭВМ в выборе вариантов решения задач и в дальнейшем сотрудничать с машиной, т. е. на создание человеко-машинной системы.

Хотите узнать, как вы воспринимаете мир: творчески или аналитически? У меня была такая возможность — я слушала доклад Ирины Троцкой «Функциональная асимметрия головного мозга у учащихся» (н. р. О. Ф. Шакирзянова). Довольно интересные психологические и социологические исследования были проведены не только Ирой, но и другими ребятами, выступавшими с докладами о характере человека, взаимоотношениях между юношами и девушками, о стрессе и путях выхода из него, о мнении жителей нашего города, о работе учреждений службы быта и о том, кто из политических деятелей наиболее популярен сейчас (им, кстати, оказался А. И. Казанник).

Конференция закончилась. Я попросила высказать свое мнение о ней доцента ОмГУ, председателя секции педагогики, психологии и социологии образования В. Н. Сергеева.

— В этом году я доволен особенно. Ведь мы здесь пытаемся создать модель того, что можно сделать в школе. Для младшеклассников хочется сделать математику живой, занимательной. Кроме того, посмотрите, какими глазами они смотрят вокруг себя — университет, ого! Ну, а ребята постарше с нашей помощью, с помощью таких вот мероприятий ищут и находят свое место в жизни. Все участники конференции получили свидетельства-рекомендации для поступления в вуз на избранный ими факультет. Я подчеркиваю — наше общество не просто научное, а научно-профорнентационное. И именно поэтому я сознательно ушел с чисто математических секций на психолого-педагогическую.

Т. ПАРЫГИНА.

ЭСТАФЕТА РАЗУМА

(Окончание. Начало в № 2, 3).

Лучше быть отцом макаки,
Чем учиться на физфаке.

И еще одна эпиграмма на студента-филолога, пользующегося достаточной известностью на факультете:

Загадочного профиля,
Особенного вкуса,
С улыбкой Мефистофеля
И взглядом Иисуса...

...Проделанная работа показывает, что тяга студентов к выражению своих мыслей на крышках столов достаточно велика. Афоризмы и изречения требуют почти вечного хранения. Выдавленные на древесине крышек столов, они поддаются прочтению и исследованию через несколько месяцев, лет. Надписи наслаиваются, закрывая друг друга. Постепенно нарастает «культурный слой», в миниатюре повторяя тысячелетнее развитие человечества. Конечно, горько сознавать, что постепенно утрачиваются более древние надписи, но ничто под луной не вечно, и исследователям приходится довольствоваться надписями

максимум двухлетней давности. Весь собранный материал был разделен на несколько отделов по тематическому признаку. Наиболее многочисленная группа — объединенная под темой «Любовь и эротика» — модная в наше время тема. Неудивительно, что она привлекает к себе такое большое внимание.

Интересуют студентов также вопросы идеологии и политики...

Подготовил к печати
В. БЕЗЪЯЗЫКОВ,
студент Я-72.

Редактор Н. А. КОЗОРЕЗ.